

Таким образом, реорганизация слюдяной промышленности в 1949-1953 гг. позволила Иркутской слюдяной фабрике обновить и пополнить основные фонды, тем самым, создав условия, обеспечивающие рост производства и дальнейшее развитие предприятия.

Литература

1. Протокол совещания партийно-хозяйственного актива предприятий треста «Союзслюда» от 13-14 апреля 1950 г. // ГА-НИИО (Гос. арх. новейш. истории Иркут. обл.). Ф. 1516. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
2. Историческая справка о деятельности политотдела от 13.08.1953 г. Планы работ политотдела СГУ и политотдела треста // Там же. Д. 71. Л. 1.
3. Протокол совещания партийно-хозяйственного актива треста «Союзслюда» от 13-14 апреля 1951 г. // Там же. Д. 28. Л. 4.

4. Отчетный доклад о работе бюро партийной организации Иркутской слюдяной фабрики за период с 22 ноября 1949 г. по 7 декабря 1950 г. // Там же. Д. 6. Л. 32, 33, 39, 40.

5. Протокол совещания партийно-хозяйственного актива треста «Союзслюда» МВД СССР от 26 марта 1952 г. Д. 55. Л. 5, 8, 41, 43, 52, 53.

6. Протокол собрания партийно-хозяйственного актива треста «Союзслюда» МВД СССР от 5-6 марта 1953 г. // Там же. Д. 77. Л. 3, 4, 5, 10, 11, 18, 35, 37, 48-51.

7. План-задание по командировке на Иркутскую слюдяную фабрику с 19 по 24 апреля 1954 г. // Арх. отдел администрации муниципального района муниципального образования «Нижнеудинский район». Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 43. Л. 1-6.

УДК 321:342.3

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В СИБИРИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

И.В. Ефремов, канд. ист. наук
БрГУ, Братск

Автор анализирует факторы, приводившие в годы Гражданской войны к вооруженным крестьянским выступлениям. Приводятся факты, свидетельствующие о том, что в качестве основных причин противостояния большевиков и деревни следует рассматривать продовольственную политику новой власти и традиционную зажиточность сибирского крестьянства.

Ключевые слова: Сибирь, большевики, крестьяне, продовольственная политика, продукты, крестьянские выступления.

До революции 1917 г. большинство крестьянства в России составляла беднота. В целом по стране из 16 миллионов крестьянских дворов к бедняцким относилось до 65 %. При этом сибирская деревня в большинстве своем состояла из середняцких хозяйств и имела более высокую прослойку кулачества [1, с. 5].

Население Восточной Сибири, составлявшее в 1863 г. 1269,4 тыс. чел., к 1917 г. выросло до 3113,4 тыс. За вторую половину XIX и начало XX в. население региона увеличи-

лось почти в 2,5 раза [2, с. 147]. Увеличение происходило не только за счет естественного прироста, но и благодаря переселенцам из-за Урала. За 1897-1917 гг., с учетом миграции из европейской части России, население Восточной Сибири выросло на 53,6 % [2, с. 147]. Расселение прибывших крестьян проходило неравномерно. Например, в Енисейском уезде за 1863-1917 гг. численность населения в целом увеличилась с 48,7 тыс. примерно до 70 тыс. чел. В Киренском уезде за

аналогичный период времени – с 35,9 тыс. до 62,1 тыс. чел. [2, с. 147].

Уровень жизни переселенцев был ниже, чем у сибирских крестьян-старожилов, предки которых заселили край в XVIII – XIX вв. Однако, несмотря на то, что им приходилось приспосабливаться к новым для них условиям, обрабатывать худшие наделы земли и т. д., большинство мигрантов оставалось в Сибири. Здесь даже бедное по местным меркам хозяйство выгодно отличалось от их прежнего места жительства. О сибирских крестьянах писали: «Бедняцкое хозяйство имело посев до 4-х десятин, 1-2 лошади... Среднестатистический середняк вел хозяйство на 9-10 десятинах, имел 3-6 лошадей, 4 коровы и получал годовой доход до 843 рублей» [3, с. 22-23].

Из-за существенной разницы в уровне благосостояния сибирские крестьяне иначе восприняли революцию и преобразования, которые она принесла, нежели крестьяне Центральной России. Там бедняки и середняки благодаря новой власти безвозмездно получили скот, сельскохозяйственный инвентарь, постройки из бывших помещичьих имений. В 1918 г. им досталось 50 миллионов гектаров кулацких земель. Сибирское крестьянство по причине отсутствия здесь помещичьего землевладения практически не ощутило для себя выгоды от мероприятий Советской власти [3, с. 5]. Зато в полной мере ощутило ее притеснения и насилие.

О благосостоянии и настроениях сибирских крестьян можно судить, например, со слов крестьянина деревни Макарово Киренского уезда Иркутской губернии И.С. Петухова: «В Макарово население сильно тогда боялось красных, а белых хорошо встретили. Боялись, потому что ходили слухи, что красные все отберут. Не очень народ богато жил, но кое-что имели: по 10-15 коров, 3-4 лошади...» [4, с. 57]. С приходом большевиков в селах развернулась борьба с состоятельными крестьянами (кулаками), изъятие излишков (с точки зрения Советской власти) зерна и сельскохозяйственных продуктов. Объявив хлебную монополию и запретив частную торговлю зерном, большевики принялись покупать хлеб у крестьян по ценам в 6 раз ниже рыночных. В случае отказа продавать хлеб и другие продукты Совет-

ской власти красногвардейцы приступали к реквизициям.

Ответом на действия большевиков стали многочисленные выступления крестьян, в том числе и массовые. Так, например, в селе Троицк Голуметской волости Черемховского уезда 14 марта 1918 г. многотысячной толпой крестьян, собравшихся с окрестных волостей, было убито около 20 членов местного Совета и красногвардейцев, в том числе председатель исполкома Совета Крылов. Прибывшие из Черемхова 300 красногвардейцев, сумели мирно разрешить конфликт, а Троицкий Совет даже выплатил крестьянам компенсацию за ранее незаконно конфискованное имущество [5, с. 54]. Несмотря на подобные эксцессы, большевики продолжали политику военного коммунизма и внедрение продразверстки. Постепенно усиливаясь, недовольство крестьян приводило к новым выступлениям. Исследователи сообщают: «Жестокости, которыми сопровождались столкновения продотрядников и крестьян уже в конце 1917 – начале 1918 гг., были совершенно правомерны: каждый защищал свою идею, свое желание жить и стремился уничтожить антагониста. Сыграла свою роль и вековая традиция: кровь за кровь, око за око. Убивали и издевались с неприкрытым садизмом, стремясь еще и запугать всех остальных, кто старался не вмешиваться в конфликт» [6, с. 83]. Восстание в Троицке и благополучное его завершение являются скорее исключением. Чаще всего любое сопротивление большевиками немедленно и жестоко подавлялось.

В.П. Булдаков писал: «Большевизм, рожденный доктринальным отрицанием "войны машин против людей", не мог не реанимировать реликтовые разновидности насилия, действующего по нескольким параметрам, а не по линии противоборства эфемерных пролетариата и буржуазии. Наиболее масштабной и "сущностной", разумеется, оказалась война деревни против города» [7, с. 54-57]. Только в Черемховском уезде Иркутской губернии в марте 1918 г. волнения охватывали, по разным данным, территорию с населением от 8 до 35 тысяч крестьян [5, с. 54-55].

В Енисейской губернии еще в 1917 г. был сформирован Енисейский губернский рево-

люционный трибунал, наделенный практически неограниченными, опирающимися не на закон, а на революционное сознание и классовое чутье, полномочиями вплоть до расстрела. В апреле 1918 г. в Красноярске была образована Енисейская губЧК по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Председателем губЧК был назначен Г.И. Пекарж. Однако большевистская программа социалистических преобразований на данном этапе не была реализована. Летом 1918 г. силами белочехов Советская власть в Сибири была свергнута, и коммунистам пришлось уйти в подполье [8, с. 13-14].

Не поддержав большевиков, сибирские крестьяне вскоре вступили в конфронтацию и с их противниками, протестуя против установленных ими порядков. В сибирской тайге образовывались настоящие партизанские республики, где против Колчака и чехословацких войск бок о бок бились кулаки и деревенская беднота. В.П. Данилов писал: «По показаниям партизан-активистов Енисейского края нередкими были и такие явления, когда зажиточные крестьяне шли партизанить, оставляя в своих хозяйствах батраков» [9, с. 83]. Зажиточные крестьяне участвовали в антиправительственных выступлениях (против Колчака) наравне с большевиками и дезертирами, причем не только в периоды военных неудач армии Верховного правителя, но и во время наибольших военных успехов. Например, при расследовании факта захвата повстанцами г. Кустанай 5 апреля 1919 г., выяснилось участие в мятеже зажиточных крестьян. Они выступали с требованием прекратить насилие властей над крестьянами и обещали бороться против любого насилия – белого и красного.

Таким образом, зажиточные крестьяне выступали не столько за ту или иную идеологию, сколько против превышения властью определенной нормы эксплуатации, считавшейся традиционно допустимой [3, с. 137].

По подсчетам С.В. Расторгуева, около 1,8 млн. жителей Сибири (примерно каждый четвертый) проживало в районах, сопротивлявшихся власти Колчака. Данные районы охватывали до 200 волостей и 335 тыс. крестьянских хозяйств. Власть в них принадлежала всенародно выбранным Советам, где

тружеников не делили по имущественному принципу. В своей деятельности Советы руководствовались постановлениями крестьянских съездов. Хозяйства проводили самообложение всеми продуктами по норме 2 фунта с пуда и 5 пудов с сотни пудов. Совет закупал у крестьян продукты под квитанции и снабжал их имевшимися товарами. Семьи фронтовиков, плативших налог кровью, освобождались от обложения [3, с. 139]. Продовольственная политика большевиков, вернувшихся после разгрома Колчака, была не в пример жестче. Именно она стала одной из основных причин конфликта крестьянства с Советской властью.

О продовольственной политике большевиков в Сибири М.Д. Северьянов, например, сообщал следующее: «Для определения планов разверстки в Сибири в расчет брались самые фантастические цифры. Помимо хлеба, масла, мяса, овощей, сырья и всего того, что производил крестьянский обиход, в разверстку были назначены также мед, грибы, ягоды и даже пельмени в замороженном виде». Для выполнения государственных заданий предлагалось учитывать даже цыплят, еще не вылупившихся из яиц [10, с. 181]. Всего в Сибири было введено более 30 видов разверстки. Большевики преследовали не только экономические, но и политические цели, рассчитывая сломить богатых крестьян [11, с. 64]. При этом новая власть не учитывала, что в ходе гражданской войны Сибирь была разорена ничуть не меньше, чем другие районы страны. Сами же коммунисты подсчитали, что только в Алтайской, Енисейской и Иркутской губерниях белогвардейцы уничтожили 56 тысяч крестьянских домов, сожгли 20 тысяч построек, отобрали и угнали свыше 40 тысяч голов скота, разграбили около 600 тысяч пудов продовольствия и более 1600 тысяч пудов сена [9, с. 81].

С возвращением большевиков все Советы, возникшие в партизанских и повстанческих районах, объявлялись распущенными. Вместо них образовывались ревкомы. Партизанские отряды расформировывались и исчезали как самостоятельные боевые единицы. Как таковым, партизанским отрядам запрещалось вливаться в ряды Красной армии. Не подчинившиеся отряды предписывалось «подвергать беспощадной каре», особенно

их командный состав и кулацкие верхи. Все это вызывало настороженность и недовольство красных партизан [12, с. 249-250]. Тем более что с возвращением Советской власти возобновилась деятельность губернских ЧК, и начались массовые репрессии. Так, председатель Сибревкома И.Н. Смирнов сообщал, что в Сибири за СибЧК и органами юстиции на 6 октября 1920 г. числилось до 30000 заключенных, подавляющее большинство которых рабочие и крестьяне [11, с. 65].

Таким образом, покупка большевиками зерна в деревне по твердым ценам и реквизиции продуктов с самого начала приводили к кровопролитному противостоянию с крестьянством. Одним из наиболее сложных в этом отношении регионов являлась Сибирь. Антибольшевистские крестьянские мятежи отмечались здесь с первых дней установления Советской власти. Выступления 1917-1918 гг. стали своеобразной репетицией для города и деревни. Не набрав полной силы, они прекратились в связи с изменением политической обстановки в стране и возобновились лишь после разгрома Колчака и повсеместного введения продразверстки.

Литература

1. Солодянкин А.Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1960. С. 5.
2. Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск: Наука, 1975. С. 146.
3. Расторгуев С.В. Аграрная политика колчаковского правительства: дис. ...канд. ист. наук. М., 1996. С. 22-23.
4. Борьба за власть Советов в Приленском крае (1918-1921): сб. док. / под ред. В.Т. Агалакова, С.Ф. Коваля. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. С. 57.
5. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. С. 54.
6. Телицын В.Л. «Бесмысленный и беспощадный»?.. Феномен крестьянского бунтарства: 1917–1921 гг. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2002. С. 75.
7. Булдаков В.П. Революция, насилие и архаизация массового сознания в гражданской войне: провинциальная специфика // Белая гвардия. 2002. № 6. С. 4.
8. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Красноярск: Издательские проекты, 2004. Кн. 1. С. 13-14.
9. Советское крестьянство. Краткий очерк истории. (1917-1970) / под ред. В.П. Данилова [и др.]. Изд. 2-е, доп. М., Политиздат, 1973. С. 83.
10. Северьянов М.Д. Социально-политические аспекты новой экономической политики в Сибири (1921-1929 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1994. С. 181.
11. Новиков П.А. Повстанческое движение в Иркутской губернии (1920-1921 гг.) // Белая гвардия. 2002. № 6. С. 64.
12. Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект. 1917-1925 годы: дис. ... д-ра ист. наук. Красноярск, 1999. С. 249-250.